

УДК 343.82

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.465-480

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник НИЦ-3, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-1132-760X,
e-mail: matros49@mail.ru

ИНСТРУКЦИЯ СМОТРИТЕЛЮ ГУБЕРНСКОГО ТЮРЕМНОГО ЗАМКА 1831 года: ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, СУЩНОСТЬ, АКТУАЛЬНОСТЬ

Для цитирования

Шурухнов, Н. Г. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года: основное содержание, сущность, актуальность / Н. Г. Шурухнов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 465–480. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.465-480.

Аннотация. Предметом исследования статьи является Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года, подготовленная членами Совета Министерства внутренних дел России с учетом замечаний Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах. Данный документ предназначался для рассылки всем губернаторам царской России. Проведенное сравнительно-правовое исследование исторических документов показало, что анализируемая Инструкция представляет собой выжимку из Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей. Свод состоял из 1130 статей и комплекса приложений. Примечательно, что отдельные положения, например статьи 1, датировались законодательными актами 1767 (июль), 1772 (март) годов. Анализ всех 12 глав, разделов и 260 статей указанной Инструкции позволяет сделать вывод о том, что она представляет собой комплексный регламент (сочетание регламентов) деятельности тюремного замка и его должностных лиц, а также устанавливает правовой статус различных категорий арестантов. В статье последовательно представлены положения, регламентирующие порядок приема людей в тюремный замок, их размещение, особенности содержания в зависимости от тяжести совершенных преступлений, пола, возраста, положения в обществе. Раскрывается содержание правил обращения с имуществом, предметами, ценными бумагами, различными актами арестованных. Отмечается, что контора замка, принимая от арестантов

© Шурухнов Н. Г., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

документы, изучала их с целью выяснения, нет ли реализуемых во время содержания арестанта под стражей правоотношений. Значительное место отведено рассмотрению санитарно-гигиенических требований, предъявляемых к арестантам, помещениям непосредственного проживания, постельным принадлежностям, территории тюремного замка, а также отправлению религиозных обрядов. При рассмотрении положений, регламентирующих свидания с заключенными под стражу, дается авторская классификация: и посетители, и арестанты объединены в несколько групп. Выделена самостоятельная категория лиц – заключенные за долги, которые имели льготы на свидания и получение съестных припасов от родственников и других посещавших. Представлен анализ правового статуса смотрителя тюремного замка. Из проведенного исследования содержания дела делается вывод о том, что смотритель являлся единоначальником (полным хозяином тюремного замка), блюстителем внутреннего порядка, за который отвечал перед своим начальством – губернатором, губернским прокурором, полицмейстером. Он был обязан обеспечить соблюдение чистоты, порядка, опрятности, тишины и благочиния, предупреждение побегов.

Ключевые слова: инструкция, губернский тюремный замок, арестанты, смотритель, посетители, присутственные места, контора, больница, церковь, священник.

188 лет назад (22 (9) апреля 1831 г.) членами Совета Министерства внутренних дел России была составлена и после устранения замечаний Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах в виде проекта была разослана по всем губернаторам Инструкция смотрителю губернского тюремного замка. Названный документ представляет несомненный интерес для специалистов уголовно-исполнительной системы (УИС) России, российской общественности, профильных правозащитников, преподавателей и обучающихся в образовательных организациях ФСИН России. Однако его «день рождения» остался без внимания, за исключением отдельных частных публикаций на страницах периодической печати. Печально, что учебные планы не позволяют уделить этому должное внимание. В погоне за «отовариванием» государственных образовательных стандартов не имеем возможности передать обучаемым комплекс интересных знаний, которые позволили бы сопоставить то, что было вчера, и то, что есть сегодня. Вооруженность сведениями о вчерашнем дне УИС России позволила бы давать конкретные ответы на вопросы наших подопечных, вести предметные дискуссии с западными коллегами по пенитенциарной деятельности.

Инструкция включала в себя 12 глав, некоторые из которых подразделялись на разделы, и 260 статей.

Открывала Инструкцию гл. I «Порядокъ при приемъ людей въ тюремный замокъ», в которой было 12 статей (1–12) и 1 примечание. Из содержания следует, что прием арестантов в тюремный замок производился «во всякое время», как днем, так и ночью. При этом воскресные, праздничные и торжественные дни не являлись исключением. Арестант следовал от присутственного места и начальствующей особы в контору замка, где представлялся сопровождавшим его караулом, при «письменных видах», с указанием рода преступления, для того чтобы можно было определить, в каком разряде он должен содержаться.

В конторе тюремного замка его принимал смотритель замка, который записывал «въ шнуровую книгу» дату поступления, имя и «прозвание арестанта», его приметы, от кого

поступил и по какому преступлению, какие имел собственные вещи (деньги просчитывались и хранились в конторе). Смотритель «при пристойномъ числѣ караульныхъ» проводил обыск с целью обнаружения каких-либо орудий (ножа, бритвы), если таковые имелись, то они изымались и хранились в кладовой замка.

Для того чтобы засвидетельствовать, что арестант принят в тюремный замок, смотритель расписывался в разносной книге и выдавал сопровождавшему конвоиру расписку за своей подписью. Доставленные освидетельствовались врачом. Здоровые передевались в арестантскую одежду тюремного замка и отводились в камеру по роду преступления. Больной арестант, «въ особенности подвергшійся заразительнымъ сыпьямъ», немедленно отводился в больницу и, в зависимости от пола, сдавался больничному надзирателю или надзирательнице. Там им выдавались платье и белье, предназначенные для больных.

Глава II «Об имуществѣ арестантовъ, принятыхъ въ тюремный замокъ» включала в себя 19 статей (13–31). Особое внимание в них уделялось обнаружению, изъятию у поступающих в замок лиц денег, билетов «Кредитныхъ Установлений», различных денежных и характеризующих себя актов, каких-либо вещей (часы, табакерки золотые или серебряные, перстни, кольца, печатки, булавки). Все это записывалось в особую книгу, с указанием даты, времени и номера, за которым сам арестант числился в приемной книге. Под записью, при наличии грамотности, арестант ставил свою подпись. Принятое от арестанта размещалось в пакете или особом мешочке и опечатывалось печатью конторы, с надписью на ярлыке, где указывались состояние, фамилия арестанта и номер, под которым он записан в приемной книге. Пакет или мешочек размещались в особом сундуке либо шкафу и находились на ответственном хранении конторы до освобождения арестанта.

Следует специально сказать о том, что контора, принимая от арестанта документы, изучала их на предмет, нет ли таких, по которым может осуществляться производство во время содержания арестанта в тюремном замке. Если такое обнаруживалось, то смотритель делал представление губернскому прокурору для «учиненія сношенія, какія обстоятельства дѣла предложить могутъ» (ст. 16).

Отобранные платья, белье, обувь записывались в книгу, проветривались и, если требовалось, промывались и помещались в мешок, опечатываемый печатью конторы, снабженный ярлыком с такими же надписями, что и на документах. Арестант, выпущенный на свободу, получал в конторе замка взятые у него деньги, вещи и расписывался в их приеме, если же был неграмотен, то соответствующую отметку делал смотритель.

Если арестант вызывался присутственным местом и там освобождался, после чего в течение месяца не являлся в контору для получения оставшихся в замке вещей, то они обращались в пользу замка. В тех случаях, когда арестант направлялся в другое место без посредства конторы замка, смотритель имел право поступить с имуществом в соответствии с требованием места, переславшего арестанта.

При направлении арестанта в суд или для содержания под стражей в другом городе его вещи упаковывались по описи, которая подписывалась смотрителем и арестантом (если он грамотен), после чего передавались препровождающему арестанта. Если для исполнения приговора преступник отсылался из тюремного замка, то с его вещами поступали также, но при этом они передавались полицеймейстеру для принятия соответствующего решения. Арестантская одежда не могла передаваться другим и подлежала возврату в тюремный замок.

Все числящееся за арестантом по его просьбе могло передаваться тому, кого он укажет. При этом смотритель докладывал губернскому прокурору и с его позволения сообщал адресату с указанием даты и времени явки в контору. Передача имущества, денежных средств осуществлялась под роспись обоих в той самой книге, в которой они были записаны. При безграмотности обоих для росписи призывался священник.

Представляет интерес ст. 29 анализируемой главы, в которой содержалась попытка исключения коррупционной составляющей. Редакционно она была сформулирована следующим образом: «Ни деньги и никакія вещи не могутъ бытьъ приняты отъ содержамаго въ пользу замка въ видъ приношеній, доколь содержатся въ замкъ. Онъ тѣмъ менѣе могутъ бытьъ приняты отъ него служащими въ замкъ». Таким образом, данная норма исключала участие в такой благотворительности самого смотрителя тюремного замка. Если смотритель находил у арестанта деньги, то в первый раз одну четверть суммы отделял для арестантской кружки, во второй раз – половину, в третий раз вся сумма шла в арестантскую кружку.

В случае если арестованный умирал в тюремном замке и после себя оставлял за вещание, оно представлялось губернскому прокурору, который направлял его адресату. Об оставшихся после умершего деньгах, вещах, платье и прочем смотритель также докладывал губернскому прокурору «для поступленія съ оными какъ слѣдуетъ» (ст. 31).

Глава III «О содержаніи арестантовъ въ тюремномъ замкъ» включала в себя два раздела: «I. О размещеніи» и «II. О содержаніи» и 13 статей (32–44). Проведя сравнительно-правовое исследование, делаем вывод о том, что обозначенные вопросы были злободневны в тот далекий период, равно как и в настоящее время.

В Инструкции уже в то время содержались положения, предусматривающие дифференцированное размещение и содержание арестантов, и тюремная практика следовала этим предписаниям. В частности, ст. 32 устанавливалось требование со ссылкой, «на сколько возможность позволить», о размещении принятых в тюремный замок «по роду и важности ихъ преступленій, не смѣшивая чиновниковъ и разночинцевъ съ чернью». Арестанты женского пола не должны были содержаться в одних камерах с мужчинами (ст. 33). Несовершеннолетних следовало помещать в особые камеры, также разделяя по половой принадлежности. «Присужденных (курсив наш. – Н. Г.) к какому-либо наказанію арестантовъ тотчасъ отдѣлять отъ судящихся еще, и ихъ ни въ какую работу не посылать, коль скоро присутственныя мѣста извѣстятъ тюремный замокъ о присужденіи ихъ» (ст. 35). Автономно содержались и больные: правила требовали прибывших в замок больных передавать врачу для помещения в больницу.

Определенный интерес представляет ст. 37, где говорилось, что «заплечные мастера не должны иметь жительство вмѣстѣ съ заключенными, но содержаться особо». Речь шла о палачах, которые в России назывались «заплечными мастерами», «катами», которые жили при тюрьмах в отдельных от арестантов помещениях.

Инструкцией устанавливался запрет на размещение внутри арестантских камер часовых, но при этом предписывалось иметь в дверях, коридорах и других местах, где окажется удобным, специально обустроенные окна: со стеклами, решетками, через которые часовые могли бы видеть арестантов и тем самым предупреждать возникающие между ними эксцессы и подготовку к побегу.

В тюремном замке арестанты получали единообразную одежду, пищу и все необходимое (потребное) для них. Этим устанавливался единый подход к заключенным, равенство между ними, «допускается разность только по состоянію пола и причинамъ, по коимъ содержатся арестанты» (ст. 40).

Заклученным запрещалось иметь в камерах чернила, бумагу, карандаши и другие письменные принадлежности. Отправление и получение писем осуществлялось под «личную ответственностью смотрителя» (ст. 41). В тех случаях, когда арестант высказывал желание написать письмо, об этом докладывалось по инстанциям: смотрителю, а он, в свою очередь, испрашивал разрешения у губернского прокурора. При положительном решении написанное письмо передавалось в контору и вручалось губернскому прокурору для направления адресату.

Если кто-то из арестантов высказывал надобность, просьбу, жалобу или желание быть вызванным в суд для объяснения либо предоставления доказательств по делу, то смотритель обязан был его выслушать, записать такое желание и при утреннем рапорте или во время посещения замка прокурором доложить ему. Прокурор изучал полученную информацию и, если приходил к выводу о том, что она заслуживает внимания, докладывал в соответствующую инстанцию.

Глава IV «О благочинии и опрятности» также включала в себя два раздела: «I. О благочинии» и «II. О опрятности» и 21 статью (45–65). В главе содержался комплекс разнообразных запретов, распространявшихся на арестантов. В частности, во всех без исключения случаях устанавливался запрет на игры в карты, шашки, кости; курение трубок; игры на любых инструментах; «вообще запрещаются всякого рода рѣзности» (ст. 48), а равно исключалось произношение проклятий и божбы, укоры друг друга. В среде заключенных своеволие, ссоры, брань, соблазнительные песни, хохот и тому подобное поведение также считалось недопустимым.

Если содержащиеся в силу невежества или по каким-либо злым намерениям проявляли наглость, непослушание или буйство в отношении караульного офицера, то в целях удержания от дальнейших неправомерных поступков их немедленно помещали в особое место, где выдавалась минимальная пища. Об описанном случае нужно было доложить прокурору.

В анализируемой Инструкции в разных главах прописывались взаимоотношения смотрителя и арестантов, при этом в первую очередь делался акцент на поведении самого смотрителя. Это относится и к положениям рассматриваемой главы. В ней давалась установка, чтобы смотритель замка обращался с заключенными кротко и человеколюбиво, внушал им сам и через своих подчиненных смирение и послушание.

Обратим внимание на то, что санитарно-гигиенические требования прописывались Инструкцией особо подробно. Их соблюдение было обязанностью и администрации места изоляции, и арестованных. Они должны были содержать себя в опрятности, для чего один раз в неделю бриться, посещать баню («в бане по приемъ при первой топкѣ оной, соблюдая раздельность в зависимости от пола») (ст. 54). Бороды, кому это было положено, брил специально назначенный цирюльник (не разрешалось давать в руки арестантам бритв). Волосы, по обыкновению, нужно было стричь пристойно, не допуская длинных.

Арестантское платье, белье, постельные принадлежности и прочее следовало менять в установленные сроки: одеяла и наволочки – через два месяца; онучи – один раз в месяц; простыни и верхние наволочки – два раза в месяц; рубашки, чулки и прочее белье – один раз в неделю; подстилку на новую – через четыре месяца; летнее платье, войлоки, на которых спали, менять на новые по надобности.

Акцентировалось внимание на регулярном осмотре войлоков. Чтобы в них «не заводилась нечистота» (насекомые), необходимо было выносить на воздух для проверки. Рекомендовалось ежедневно утром и вечером в зимнее время открывать

форточки, а летом – окна на такой промежуток времени, чтобы осуществить полное проветривание камеры.

Уборка камер и коридоров осуществлялась ежедневно по утрам. Окна вытирались два раза в неделю, а если возникала надобность, то и чаще. Еженедельно предусматривалась влажная уборка полов в камерах и коридорах, лестниц, а также нар, выкрашенных масляной краской. Стены выбеливались не менее одного раза в год. Двор регулярно выметался, мусор складировался в специально отведенном для этого месте. Следует отметить, что все перечисленные работы выполняли сами арестанты.

Посуду, используемую в тюремном замке, требовалось содержать в чистоте, при этом медная должна была быть всегда начищенной (вылужена). Необходимые места следовало убирать два раза в месяц, а если возникала надобность, то и чаще. В окнах камер запрещалось развешивать тряпки, платки, рубашки, так как для этого имелось специальное сушильное помещение. Статья 65 предписывала: «Опрятность в комнатах, свежесть воздуха и вообще чистота в тюремном замке должны быть наблюдаемы со всею строгостью».

Краткое изучение отдельных положений, составляющих Инструкцию смотрителю тюремного замка, позволяет сделать вывод о том, что ее разработчики значительное внимание уделяли условиям пребывания, запретам, которые должны были соблюдать арестанты в целях обеспечения безопасности и санитарно-гигиенических требований. Ими особо выделялись отношения смотрителя и арестантов, формирование и поддержание нормального морально-психологического климата в среде заключенных.

Глава V «Об упражнении содержимыхъ въ тюремном замкѣ» – одна из самых больших по объему, она содержала 44 статьи (66–109) и одно примечание. Применительно к сегодняшним подходам можно говорить о том, что в ней были сосредоточены правила внутреннего распорядка арестантов. Она включала в себя определение времени утреннего подъема содержащихся в замке: летом – в пять, зимой – в шесть часов.

Караульный офицер вместе со смотрителем осуществляли утренний обход камер, ключи от которых хранились у смотрителя или его помощника, и производили перекличку. Все ночные происшествия смотритель подробно фиксировал в особой книге и утром рапортом докладывал полицеймейстеру.

В целях исключения побегов смотритель и его помощник в течение ночи несколько раз осматривали те «нумера», в которых содержались опасные арестанты. При обнаружении покушения на побег смотритель извещал караульного офицера, после чего вместе с ним и караулом предпринимал необходимые меры. Если был совершен побег, то смотритель докладывал полицеймейстеру, или городничему, или прокурору, а караульный офицер – коменданту.

Вслед за подъемом следовали санитарно-гигиенические процедуры: умывание, причёсывание волос и бороды, одевание, опрятное складывание постели. Пребывающие в тюремном замке «люди простаго званія» производили уборку (выметание) камер, открывали для проветривания форточки и окна.

Инструкцией было установлено, что вслед за уборкой камер арестантам читалась утренняя молитва (ее составляло собрание молитв, известных как «Молитвы утренние»). Это осуществлялось заключенными из числа грамотных и умеющих внятно читать. Если такового в конкретной камере не оказывалось, то приглашался умеющий читать из другой камеры (по окончании молитвы он возвращался на место своего прежнего пребывания).

Во время молитвы все стояли смирно, не разговаривали, ни под каким предлогом не разрешалось лежать на постели. За этим строго следили приставники, они присут-

ствовали в каждой камере по очереди и наблюдали за благочинием. Перед обедом, ужином и после них также читалась молитва.

Накануне воскресных, праздничных и торжественных дней все собирались в церкви замка в 5 (17), а летом в 6 (18) часов – для слушания вечерни и потом заутрени (церковь тюремного замка, по возможности, должна была иметь специально обустроенные (особые) места для важных (опасных) преступников). Арестанты, оставленные в камерах до обедни, по указанию священника читали «приличные мѣста изъ Священнаго Писанія и другихъ церковныхъ книгъ» (ст. 95).

Обедня в праздничные и торжественные дни начиналась в 9 часов, к этому времени все собирались в церкви. После обедни в праздничные и торжественные дни священник всякий раз обращался с приличным поучением из собрания изданных проповедей или из «собственного сочинения».

В соответствии с Инструкцией во времена Великого поста все содержащиеся в тюремном замке говели (говеть – у верующих: поститься и ходить в церковь во время поста, а также в сроки, установленные церковью, перед исповедью и причащением) по очереди [2, с. 134]. Для этого контора готовила специальный график, в котором указывалось, кто именно и на какой неделе соблюдает такой обряд. Вне зависимости от этого все должны были каждую среду и пятницу на Страстной неделе (последняя неделя перед Пасхой) ходить в церковь «и во всѣ дни Святыя Пасхи къ заутренѣ, обеднѣ и вечернѣ» (ст. 102) [2, с. 772]. Если бывшие на исповеди и у причастия Святых Таинств в Великом посту пожелают исполнить такую обязанность в «посты Петровъ и Филипповъ, то сіе имъ дозволятъ».

Некоторых из числа арестантов требовалось заставлять, а отдельным предоставлять возможность, по решению смотрителя, ходить в церковь и в другие дни года при надлежащем карауле. По этим причинам и должна была проводиться служба каждую неделю или по крайней мере два раза сверх воскресений, если даже не было праздников в течение недели (ст. 105).

Христианам иностранных исповеданий предоставлялась возможность совершать молитву особо в одной из свободных комнат либо им приглашался их священник.

Из содержания ст. 109 Инструкции усматривалось различное правовое положение граждан, принадлежащих к различным сословиям российского общества. В нем говорилось: «Тѣмъ изъ содержимыхъ въ тюремномъ замкѣ, кои не занимаются надворными работами, дозволяется съ разрѣшенія Смотрителя прогулка на дворъ подѣ присмотромъ достаточнаго караула, но всегда такъ, то бы каждый разрядъ былъ порознь».

Глава VI «О препровожденіи арестантовъ въ присутственныя мѣста по требованіямъ оныхъ» включала в себя 8 статей (110–117). В ней изначально говорилось о немедленной отправке в присутственные места арестантов по письменному требованию («за подписаніемъ Члена»), с отметкой в книге о содержащихся в замке. Акцентировалось внимание на сопровождении «пристойным конвоем» – с унтер-офицером. Во время следования конвоиры должны были следить, чтобы арестанты: а) ...на пути не учинили утечки; б) по улицам не просили милостыни; в) не останавливались для сего противъ домовъ; г) не заходили ни въ какія публичныя мѣста; д) не дозволятъ имъ въ пути пить вино; е) не дозволятъ принимать ни отъ кого проходящего какія бы то ни было вещи или оружіе». Перед отправкой конвоя смотритель проводил инструктаж и читал правила, чтобы в случае неисполнения «не могли отозваться невѣдніемъ сихъ правилъ».

При доставлении арестанта в присутственное место конвой брал расписку и по возвращении в замок передавал ее в контору. В случаях возвращения арестанта в замок

конвой приводил его в контору, где он подвергался обыску как при первоначальном поступлении в замок.

Если арестант из суда приводился в нетрезвом виде или при нем обнаруживались ненадлежащие вещи или вино, смотритель при караульном офицере в специально заведенную книгу записывал имена конвойных и об этом происшествии в этот же день докладывал своему начальству (ст. 116).

Исходя из того что на Руси первостепенным и разрушительным бедствием, отрицательно влиявшим на ход ее экономического развития, считались пожары, ничего удивительного нет в том, что анализируемая Инструкция содержала специальную главу VII «О топленіи печей» из 5 статей (118–122). В них ставились две основные задачи: обеспечение безопасности и создание надлежащих температурных условий в камерах. Топку печей производили сами арестанты по очереди с семи часов утра, в зимние месяцы – непременно каждый день. Чтобы печи не перекалялись и тем самым не портились, на каждую из них выделялось известное количество поленьев. Существовал запрет на топку печей в ночное время, предписывалось смотреть, чтобы при выделении угарного газа печи не закрывали и арестанты не бросали в них такие вещи, которые способны его выделять. Трубы следовало чистить каждую неделю, для чего иметь «подряженнаго трубочиста» (ст. 122).

Глава VIII «Объ освещеніи тюремнаго замка» состояла из 3 статей (123–125). Они предписывали повсеместно освещать тюремный замок с наступлением темноты. Арестантские камеры должны были освещаться всю ночь до рассвета.

Глава IX «О посѣтителяхъ» состояла из 24 статей (126–149). Анализируя их, всех прибывающих в тюремный замок мы поделили на посетителей и лиц, имеющих право на свидание с арестантами, объединив в несколько групп, равно как и самих арестантов. Следует отметить, что Инструкция содержала как общие, так и частные нормы, составляющие, как мы сегодня назвали бы, регламент.

Основополагающим для участников свиданий, в соответствии со ст. 126, служило родство: и те и другие должны были быть детьми, родителями, мужьями, женами, родными братьями, родными сестрами. В ст. 138 дополнительно оговаривалось, что кроме лиц, имеющих основания, указанные в ст. 126, посещать содержимых в тюремном замке, «никому другому ни съ кѣмъ изъ нихъ свиданіи не допускается».

Статья 126 Инструкции в первую группу (по нашей классификации) прибывающих на свидания включала: детей, родителей, мужей, жен, родных братьев, родных сестер. Приведенная норма имела конкретизацию: право на встречу с арестантом увязывалось с условием «если, однако же, не будетъ запрещенія на таковыя посѣщенія». Запрет распространялся преимущественно на арестантов и обуславливался их благочинием – надлежащим поведением. Хотя имелся запрет на посещение арестантов родственниками, которые однажды нарушили правила пребывания в тюремном замке.

Во вторую группу лиц, имеющих право на свидание, разработчики Инструкции относили родственников и знакомых большого.

Третью группу составляли граждане, изъявившие желание посетить заключенного, помещенного в тюремный замок за долги. Для таких арестантов гл. XII Инструкции устанавливалось особое правовое положение.

Посетителей тюремного замка можно подразделить на почетных (так их именovala Инструкция) и скорбных. Почетными посетителями именовались «желающіе видѣть тюремный замокъ изъ любопытства». К таковым относились известные и пользующиеся особым уважением лица, получившие для посещения персональный билет Губернато-

ра (ст. 140). Во время посещения тюремного замка их сопровождал смотритель. Они имели право входить в тюремную церковь во время служения.

Билет для посещения тюремного замка передавался в контору тюремного замка, где и находился на хранении.

Скорбными посетителями являлись родственники умершего заключенного, прибывавшие с целью «отпѣванія и выноса къ погребенію». Для прохождения в замок они были обязаны иметь билет, выдаваемый служащими конторы тюремного замка.

Вторую сторону прибывающих на свидания представляли арестанты, мы их также подразделили на несколько групп.

В первую входили лица, находящиеся под стражей и имеющие право на свидание. Ко второй группе относились больные, по характеру преступлений содержащиеся в общих палатах. Условно к этой группе можно отнести и умерших арестантов. Нормы Инструкции выделяли арестантов, не имевших права на свидания, и тех, которым могли предоставляться свидания при определенных условиях.

Не могли иметь свидания нарушители правил, установленных в тюремном замке, содержащиеся в карцере за совершенные проступки. Максимальный срок такого наказания составлял шесть дней, пищей в этот период служили вода и хлеб. Некоторые арестанты лишались свиданий на основании специального требования присутственного места (суда). В соответствии с законом они наделялись такой компетенцией.

Полный запрет на свидания распространялся на больных, содержащихся за кражу. Они и в больнице должны были находиться в особой комнате, со специальным караулом. Запрет был установлен ст. 145, в которой говорилось, что «къ нимъ посѣтители не допускаются».

К арестантам, имевшим право на свидания при определенных условиях, относились содержащиеся в замке уголовные преступники (полагаем, что речь идет об осужденных). Они без особого разрешения начальства не должны были иметь свиданий.

Арестанты, освобожденные из карцера, в котором они пробыли от одного до четырех дней, имели право на свидание, если после этого прошла неделя; при условии пребывания в карцере от пяти до шести дней – через две недели (ст. 137).

Подобное изъятие из правил устанавливалось для посещения больных (дополнительно один раз в неделю). Однако если больной имел опасную или заразную болезнь, то посетители допускались к нему с разрешения доктора.

Особое положение распространялось только на арестованных за долги: они имели право на ежедневные свидания в соответствии с правилами, установленными для основной массы заключенных.

Свидания с арестантами проводились в воскресенье и праздничные дни, продолжительностью один час после обедни до обеда во время исполнения обыкновенных занятий, установленных в тюремном замке: «часть въ отдохновеніи, и часть въ чтеніи Священнаго Писанія» (ст. 99).

Свидания проводились в особо устроенной для этого комнате, разделенной решеткой на две части, в одну из которых приводились арестанты, а в другую – посетители. Посетители не имели права покидать комнату свиданий и ходить по тюремному замку, приносить и передавать содержащимся в тюремном замке платья, напитки, письма, записки или какие-либо другие бумаги, «одним словомъ, решительно ничего» (ст. 128). Если же арестанты тайно принимали что-либо принесенное посетителями, то они подвергались наказанию за ослушание.

Следует указать, что арестованным за долги Инструкцией регламентировался иной порядок: им разрешалось принимать для своего употребления съестные припасы от родственников и других посещающих. При этом в неприменную обязанность караульного офицера вменялся строгий досмотр, чтобы исключить сокрытие каких-либо вредных орудий. Разработчики Инструкции, учитывая важность приведенных обстоятельств, в нескольких статьях закрепляли процедуру проведения досмотра, указывая, что впускаемые в тюремный замок на свидания должны тщательно досматриваться, чтобы исключался пронос каких-либо вредных объектов. Все принесенное с собой и не подлежащее передаче посетители должны были оставлять за воротами тюремного замка у часового до своего возвращения. Если обнаруживались напитки, то они, по приказу смотрителя, выливались служителем (ст. 129, 230). Статья 130 Инструкции устанавливала запрет на передачу арестантам денег.

В тех случаях, когда вопреки установленным правилам посетитель тайно пронесил что-либо пребывающему в тюремном замке, принесенное отбиралось, принесший удалялся из тюремного замка и впредь, как мы уже отмечали ранее, в него не допускался. Если принесенное представляло общественную опасность, то о данном случае докладывалось начальству «для сношения о немъ соотвѣтственно обстоятельству, если оно признаеть то нужнымъ» (ст. 131).

За проведением свиданий осуществлялось наблюдение, для того чтобы находившиеся там соблюдали благопристойность в обхождении и разговорах, не происходило взаимной передачи каких-либо объектов. Окончание свидания оповещалось звуками колокола, после чего посетители покидали комнату свиданий.

В целях исключения коррупционной составляющей ст. 132 Инструкции предусматривала строгое наказание, по решению смотрителя, служителей тюремного замка, которые брали для передачи, приобретали или что-либо давали арестантам.

Глава X «О церкви» состояла из десяти статей двух разделов: «I. Попечение о церкви» (ст. 150–152), «II. О должности Священника» (ст. 153–160). Обозначенному вопросу, как мы уже отмечали, были посвящены и другие главы и статьи Инструкции. В частности, гл. V «О упражнении содержимыхъ въ тюремномъ замкѣ» определяла процедуры отправления религиозных обрядов, устанавливала обязанности священника, смотрителя тюремного замка, надзирателей, арестантов.

В соответствии с Инструкцией попечение о церкви возлагалось на смотрителя тюремного замка, священника церкви и помощников смотрителя (ст. 160). Все хозяйственные, экономические вопросы, принадлежность церкви отдельной собственности решались на совместном совещании указанных уполномоченных лиц. Имущество, принадлежащее церкви, было зарегистрировано в специальной книге, учетные записи которой позволяли отслеживать и контролировать все его движение Попечительному комитету (ст. 151).

Священник тюремного замка должен был отправлять богослужение как можно чаще, но обязательно по дням, обозначенным в Инструкции. И делать это со всей уверенностью, тщательностью, благочестием, благонравием, показывая пример всем служащим и содержащимся в тюремном замке, во всем своем поведении и действиях сообразуясь с правилами, установленными в тюремном замке, для достижения цели, с которой люди, «состоящие въ тюремномъ замкѣ, поручаются его паствѣ» (ст. 155).

Поучения, увещания, наставления, чтение важных мест из церковных книг имели общую направленность деятельности священника и одновременно служили действенным, праведным напутствием каждому из содержащихся в тюремном замке. Следует специально сказать и о специфических обязанностях священника, направленных на

ознакомление с уровнем нравственности, степенью ее запущенности у каждого заключенного. Он должен был добиваться их доверительного отношения к себе и, опираясь на конкретные обстоятельства их мирской и тюремной жизни, определять мероприятия по исправлению. С этой целью он регулярно, вне зависимости от процесса исправления, посещал содержащихся в тюремном замке «въ приличное время, сколько можно чаще, и по крайней мърь два раза въ недѣлю» (ст. 158), обучал несовершеннолетних заключенных, прививая им азы Закона Божия или других предметов, к числу которых относилась арифметика.

Специфика контингента, содержавшегося в тюремном замке, требовала использования различных средств и методов для лечения их душ, а нередко и физических недугов, избавления от различных болезней, поэтому в тюремном замке предусматривалось учреждение больницы с двумя отделениями – мужским и женским. По возможности допускалось особое помещение для отделения чиновничьих особ от простолюдинов. Однако главным было размещение больных в каждом из отделений исходя из вида болезни.

Не меньше внимания разработчики Инструкции уделяли изложению регламента работы больницы, взаимодействию врача и смотрителя тюремного замка. Глава XI «О больницъ» имела пять разделов («I. Общія определенія», «II. Приемъ больныхъ», «III. Лечение и содержаніе больныхъ», «IV. Выпуск выздоровѣвшихъ», «V. Инструкція по разнымъ должностямъ при больницъ», два подраздела: «О должности врача», «О пищу», 44 статьи (161–204).

Больница тюремного замка находилась в двойном подчинении: по врачебной и аптекарской части больница подчинялась врачу, а по полицейской и хозяйственной – смотрителю. Об имуществе, вещах для больных, находившихся на лечении, их потребностях, обеспечении питанием заботился эконо́м, который руководствовался специально данной ему инструкцией.

Больница снабжалась особым для больных платьем, бельем, различными принадлежностями, необходимыми для лечения арестантов. Лекарственные препараты содержались в больничной аптеке, ее ревизию как плано́во, так и внезапно (в любое время) имел право проводить врач. Он заблаговременно готовил заявку на лекарственные препараты и предоставлял ее губернатору. По истечении года врачом проводилась полная ревизия аптеки, после которой губернатору направлялась информация (в виде ведомости) о лекарственных средствах, принятых в аптеку, их расходовании, остатках, вещах, поступивших в аптеку, с указанием, что, в какое время поступило, когда, в каком количестве выбыло, в каком состоянии находится оставшееся.

Инструкцией были расписаны процедуры госпитализации арестантов, порядок лечения, содержания, возвращения в прежние условия после выздоровления, получения лекарственных средств, составления сопроводительных документов, специфика отправления из тюремного замка тех, кто ранее проходил лечение в больнице.

Если при поступлении в тюремный замок лицо имело признаки болезни, то его сразу или на следующий день осматривал врач. При его отсутствии на месте смотритель немедленно направлял за ним посыльного. По прибытии врач производил медицинский осмотр, и при подтверждении диагноза принималось решение о направлении арестованного в больницу. В тех случаях, когда врача не оказывалось, а, по мнению смотрителя, поступающее лицо имело признаки болезни, то он сам направлял его в больницу. Исходя из вида совершенного преступления заключенный следовал в соответствующее отделение больницы. Об этом информировались надзиратели, обязанные сделать в книге соответствующую запись о месте его нахождения.

Прием арестантами лекарств осуществлялся по указанию врача под контролем фельдшера. Врач предписывал и определенную пищу, приготовленную по правилам, введенным в больнице, устанавливал, какая порция пищи должна выдаваться больным. Все лечение больных соотнобразовывалось с правилами обычных больниц, а для ухода за больными, насколько это возможно, рекомендовалось использовать особых людей, не являвшихся арестантами (ст. 173).

По своим функциональным обязанностям врач посещал больных в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Если в больнице находились тяжелые больные, то он бывал у них чаще. Наблюдал, чтобы палаты содержались в чистоте, были накурены можжевельником или минеральными кислотами, воздух был свеж, постели, белье и платье были чисты, и все вверенное ему содержалось в опрятности.

На каждого больного врач вел «скорбный листъ», показывавший ход болезни и используемые для лечения средства. Ежедневно в двух экземплярах готовил и подавал в контору замка, губернатору и губернскому прокурору сведения о числе больных, их диагнозе.

О выздоровлении лиц мужского пола врач информировал смотрителя, а о женщинах – смотрительницу, которые приказывали приставникам забрать выздоровевших из больницы и доставить в установленное (оговоренное) время в контору тюремного замка, где происходила замена госпитальной одежды (она возвращалась в больницу) на тюремную. Все движение больных фиксировалось в особой книге. Следует отметить, что бывших больных арестантов без освидетельствования врача из тюремного замка никуда не отправляли.

Анализируемый нами документ предписывал всем служащим больницы соблюдать правила, изложенные в Инструкции, если они относились к исполнению их должности. Что касается должности врача, то его правовой статус, как уже видно из приведенного, был объемным, его взаимоотношения не замыкались только на администрации тюремного учреждения, а выходили за его пределы, касались разных направлений обеспечения деятельности больницы.

Кроме приема больных, врач был обязан каждодневно осуществлять обход тюремного замка, для того чтобы увидеть состояние камер, территории, предметов, относящихся к сохранению здоровья арестантов. Если в камере находился больной, которого следовало госпитализировать, то осуществлялось это с разрешения помощника смотрителя на мужской половине и смотрительницы на женской половине. Тем самым исключалась неизвестность пребывания арестанта. Другим арестантам, по мере возможности, медицинская помощь оказывалась непосредственно в камере.

Если в процессе обхода замка врач обнаруживал нечистоты, спертый воздух, то он немедленно отдавал команду младшему надзирателю или надзирательнице, которые были обязаны исправить ситуацию. В необходимых случаях он мог доложить об этом смотрителю.

По своим функциональным обязанностям врач снимал пробу с пищи, приготовленной для арестантов. В случае дурного качества уведомлял о том смотрителя для принятия соответствующих мер. Врач также осматривал приносимые в подаяние «припасы, дабы не было чего въ нихъ примъшано вреднаго» (ст. 183).

Заключала Инструкцию XII глава, самая объемная. Она называлась «Особыя положенія» и включала в себя четыре раздела: «I. О Смотрителѣ» (ст. 205–231); «II. О Заключенныхъ за долги» (ст. 232–235); «III. О занятіяхъ по состоянію, полу и возрасту» (ст. 236–245); «IV. О нарядѣ къ управженіямъ» (ст. 246–260).

Из содержания обозначенного следует, что смотритель являлся полным хозяином тюремного замка и блюстителем внутреннего порядка, за который отвечал перед своим начальством (по ближайшему отношению) – губернатором, губернским прокурором, полицеймейстером. На его ответственности лежало соблюдение чистоты, порядка, опрятности, тишины и благочиния, равно как и поддержание в надлежащем состоянии всего строения. В тех случаях, когда требовался какой-либо ремонт, он должен был сообщать об этом своему руководству.

Следует специально отметить, что смотритель постоянно находился в тюремном замке. Он проживал (имел жительство) в нем и без разрешения лиц, в подчинении которых находился, не мог отлучаться за его пределы, особенно в ночное время. При выходе из замка он должен был уведомить караульного офицера.

Смотритель был обязан следить за исправностью дверей, ключей, замков, инструктировать военный караул о правовом положении, характере действий в непредвиденных случаях («какой-либо оплошности»), особо выделяя пресечение побегов и пожаров (ст. 207). В целях ликвидации очагов пожаров Инструкцией предписывалось иметь пожарную трубу и потребное количество воды в любое время года. В зависимости от размера тюремного замка рекомендовалось иметь и ручные пожарные трубы.

Ворота замка требовалось всегда держать закрытыми, а ключ (его именовали главным) от них – на хранении у караульного офицера, без разрешения которого они никому не открывались. Ключи от кладовой, кухни, бани и церкви, а также от отдельных важных камер находились у смотрителя, внутренние ключи от камер – у надзирателей.

Когда в замок для исполнения своей должности приходили чиновники, лица, имеющие соответствующее разрешение, или когда приводились арестанты, то обо всем этом давалось знать посредством звонка. При этом караульный унтер-офицер, не открывая ворот, спрашивал, кто пришел. После получения ответа докладывал о полученных сведениях караульному офицеру, который открывал ворота и осуществлял пропуск. Посторонние граждане досматривались с целью исключения наличия при них каких-либо опасных (вредных) орудий, после чего немедленно извещался смотритель. Для соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в частности в целях досмотра лиц женского пола, Инструкция предусматривала нахождение при воротах тюремного замка женщины.

В полном подчинении смотрителя находились надзиратели, их и помощников он назначал на должности сам. Смотритель наблюдал, чтобы они добросовестно выполняли свои обязанности, не нарушали прав арестантов, были трезвы и старательны. В качестве стимула предусматривалось поощрение, а за проступки виновные подлежали наказанию. Если надзиратели допускали повторные правонарушения, то об этом докладывалось по команде с целью освобождения их от должности.

Все содержащиеся в тюремном замке должны были находиться в полном повиновении смотрителю и лиц, осуществлявших надзор и распоряжение ими. Смотритель не разрешал содержащимся иметь и читать какие бы то ни было собственные книги без предварительного ознакомления с ними совместно со священником тюремного замка. Арестантам под любым предлогом строго запрещались любые виды настольных игр (карты, шашки, кости), равно как и установка в камерах и около спальных мест занавесов и перегородок из различных материалов. Это делалось в целях предупреждения заговоров, упражнений в разных вымыслах (под видом богомолья), изготовления веревок для преодоления стены замка. По этим причинам предписывалось спальные места (койки) всегда держать в открытом виде (ст. 223). Для этого смотритель тюремного

замка должен был как можно чаще осматривать всякую камеру. С этим была связана еще одна обязанность указанного должностного лица: «Строго наблюдать, чтобы в тюремный замок ни под каким видом не были вносимы горячие напитки, и если таковые у кого найдутся, тотчас оные приказывает при себе вылить» (ст. 230).

В тех случаях, когда арестант проявлял буйство, непослушание, смотритель имел право посадить его в так называемый карцер, как мы уже указывали, на срок от одного до шести дней. О таких случаях при первом посещении тюремного замка губернским прокурором смотритель обязан был немедленно ему доложить (ст. 229).

Смотритель контролировал, чтобы во время литургии в воскресенье и праздничные дни все арестанты «греко-российского исповедания» находились в церкви, устроенной при тюремном замке.

Каждую субботу губернский прокурор был уполномочен посещать арестантов, а смотритель предоставлять «кружку, которая для общего подаяния будет находиться при тюремном замке». Сумма собранных подаяний рукой губернского прокурора записывалась «в шнуровую книгу» и приобщалась к общей тюремной сумме. Под расписку смотрителя денежные средства передавались в контору тюремного замка. Они тратились на текущие надобности, а также «на прокормление арестантов с ведома полицеймейстера» (ст. 226).

Инструкция устанавливала определенный порядок использования подаяний: так, если сумма накапливалась до тридцати рублей серебром за всеми расходами, тогда она отсылалась в приказ Общественного призрения для хранения (ст. 227).

В обязанности смотрителя тюремного замка входило ежемесячное составление в полицию отчета (в форме ведомости) о количестве арестантов. Такие сведения, в свою очередь, служили отчетом казенной палаты о сумме израсходованных, отпускаемых казной кормовых (для пищевого довольствия) денег. Обеспечение питанием арестантов – одна из обязанностей смотрителя тюремного замка. Он, кроме надзора за содержащимися арестантами, «печется о продовольствии их пищею, приготавливаемою из припасов, от добродетельных дателей поступающих, или на отпускаемые порционные деньги» (ст. 205).

Анализируемая Инструкция содержала комплекс норм, предписывавших характер непосредственных отношений смотрителя и арестантов, а также касающихся предупреждения коррупции, исправления случайных, незакоренелых, «незакоснелых» преступников.

Определение статуса смотрителя тюремного замка и содержащихся в нем арестантов в значительной мере способствовало предупреждению противоправного поведения, причинения вреда здоровью надзирателей, караульным. Это оказывало влияние и на морально-психологический климат в среде лиц, которые были уже осуждены, и тех, что ждали принятия судебного решения в отношении себя.

По результатам изучения Инструкции делаем вывод о том, что наиболее емкой, образной, важнейшей, оригинальной по содержанию нормой, в обозначенном смысле, являются положения ст. 205. В ней говорится, что смотритель обходится с находящимися под его надзором арестантами кротко и человеколюбиво, «он старается приобрести их к себе доверенность распрашиванием о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами». Однако при этом исключалась коррупционная составляющая, так как положения указанной статьи требовали во исполнение своих обязанностей поступать со всей точностью и твердостью, поэтому он не имел права оставлять без наказания ни одно нарушение порядка и правил, предписанных для тюремного замка, «так как малейшее по сей части пренебрежение может произвести большие проступки и навлечь неприятные следствия».

При назначении наказаний смотритель должен был соблюдать спокойствие духа «и отнюдь не предаваться досаде и вспыльчивости, дабы сим самым удостоверить виновного, что делаемое ему наказание основано на справедливости» (ст. 205).

Обратим внимание на исключение коррупционной составляющей, а также на несколько обстоятельств, обозначенных по этому поводу в разделе «I. О Смотрителѣ» главы XII «Особыя положенія» Инструкции смотрителю тюремного замка. Исключая конфликт интересов, как мы это называем в настоящее время, было предусмотрено, что с занимаемой смотрителем должностью «не может быть соединена никакая другая». «Как смотрителю, так и всем служащим под его начальством строжайше воспрещается употреблять арестантов для своей работы, под каким бы то предлогом ни было, или для письмоводства, а особенно по арестантским делам» (ст. 231).

Таким образом, исключая участие арестантов в делопроизводстве, особенно относящемся к сведениям, характеризующим заключенных, их противоправную деятельность, прохождение дела по отдельным этапам уголовного судопроизводства, предпринималась попытка исключить передачу таких сведений заинтересованным лицам за определенное вознаграждение, а также их распространение в ущерб владельцам и должностным лицам судебных органов. Приведенные запреты позволяли исключить создание незаслуженного авторитета отдельным арестантам только за то, что они имеют отношение к служебному делопроизводству, обладают информацией, которая по своему объему, характеру, важности для конкретных лиц отличается от той, которой владеют другие арестанты.

Обратим внимание еще на одно направление деятельности смотрителя и всех служащих замка – исправление отдельных категорий арестантов. В ст. 219 говорится об обязанности, насколько это возможно, исправления незакоренелых преступников, «в особенности несовершеннолетних, впадших в преступление по неопытности и незрелости рассудка; к сему требуется непременно содействие священника замка поучениями и наставлениями».

Раздел второй анализируемой главы был посвящен особому правовому положению заключенных за долги. Речь шла о добродетельных отцах семейства (ст. 325 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею в гл. 3 «Особое положение об исправительном заведении в С.-Петербурге» называет их людьми предрозостными, своим поведением повреждающими добронравие, наносящими стыд и зазор обществу), без всякой вины вовлеченных в долги, за которые правительство вынуждено лишить их свободы. «Надзоръ за таковыми долженъ ограничиваться единственно лишениемъ ихъ способа къ уходу изъ тюремного замка» (ст. 232). При приеме в замок они оставались в своем платье, но также подлежали тщательному досмотру с целью исключить нахождение при них вредных орудий. Они имели льготы на свидания, прием съестных припасов, о чем мы уже упоминали.

Третий раздел «О занятяхъ по состоянію, полу и возрасту» (ст. 236–245) регламентировал занятие арестантов на различных работах, организуемых в самом замке. Основные цели занятия арестантов трудом формулировались в ст. 237, в ней говорилось о том, что работа призвана исключить праздность во время заключения, приучать их к порядку, к правильному потреблению времени, к подчиненности и повиновению, чтобы по возвращении в недра общества сделались полезными сами себе и семействам своим, вообще клонились бы к исправлению нравственности и к привычке трудиться.

Занятия персонифицировались: для всех; женщин; чиновничьих лиц обоего пола; работы, особенно приличествующим людям простого сословия обоего пола; занятия

приличествующим мужчинам простого сословия; занятия приличествующим женщинам простого сословия; занятия несовершеннолетним.

В ст. 245 говорилось о соблюдении порядка при занятии упражнениями.

Раздел четвертый «О нарядъ къ упражнѣнямъ» (ст. 246–260) устанавливал регламент выполнения работ, составления специальных нарядов, которые позволяли проверять ход их выполнения, предварительную постановку задач, контролирующих субъектов и их правовое положение. Выполняемые работы предназначались для пользы тюремного замка и продажи по заказу.

Выручаемые от работ деньги распределялись следующим образом:

- одна треть шла на удовлетворение нужд арестантов во время заключения;
- другая выдавалась им при освобождении. Если же арестант подлежал направлению в Сибирь на поселение «или въ работу», то для него приобретались необходимые вещи;
- третья предназначалась на покупку инструментов, материалов и «вообще на содержание работъ» (ст. 260).

Можно с уверенностью говорить о том, что выручка от продажи произведенных изделий и работ была незначительной. Статья 258 гласила: «Цена изделий на продажу и по заказу определяется конторою тюремного замка умеренная, и именно: не больше того, во что могут обойтись изделия сии по материаламъ, съ надбавкою небольшой суммы за работу».

Заключая рассмотрение гл. XII Инструкции, обратим внимание на следующее важное обстоятельство: чтение книг и обучение авторы анализируемого документа относили к работам. Чтение духовных книг, обучение несовершеннолетних словесным наукам и письму определялись с согласия священника и смотрителя (ст. 254).

Библиографический список

1. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка. Пермь : Типография губернского правления, 1882. 30 с. URL : http://arch.permculture.ru/bitstream/handle/permculture/1892/124307_read.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 23.08.2019).

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 938 с.